

В. А. Выборнова**Актеры становления Новосибирского государственного университета (1959—1962): опыт просопографического анализа**

В работе предложена реконструкция коллективной биографии состава организаторов базовой структуры Новосибирского государственного университета (НГУ), открывшегося в 1959 г. и сформировавшего свой облик к 1962 г. На основе личных дел данной группы, хранящихся в архиве НГУ, создана проблемно ориентированная база данных с целью определить факторы и условия социально-профессиональной мобильности ученых, акторов формирования институциональной основы НГУ как первого опыта реализации модели исследовательского университета. При реконструкции поколенческих сходств и различий внутри новой локальной научно-образовательной корпорации сделано заключение о том, что ведущий преподавательский состав университета представлял собой уникальное соединение трех поколений ученых, каждое из которых эффективно реализовало свой творческий потенциал.

Ключевые слова: Новосибирский государственный университет, Сибирское отделение Академии наук, коллективная биография, просопография, личное дело, наука.

В институциональном развитии отечественной академической науки и высшей школы к середине XX века началось формирование предпосылок и условий для реализации интеграционных тенденций. Одним из результатов этого стало открытие нового университета в Новосибирске в 1959 г. как неотъемлемого компонента Сибирского отделения (СО) АН СССР. Синтез вузовского образования и академической науки требовал от организаторов разносторонних знаний, опыта и навыков, наличия высокой социально-профессиональной мобильности. Качественные характеристики когорты основателей, которыми они обладали, позволили задать университету успешную траекторию развития. НГУ явился квинтэссенцией советского опыта организации научно-образовательной системы, поэтому изучение его модели актуально.

В исследовательской литературе, посвященной как Сибирскому отделению, так и университету, положившим начало созданию современного типа научно-образовательного комплекса на востоке страны, даются разнообразные трактовки. Коллективный труд новосибирских исследователей Е. Г. Водичева с соавторами «Российская Академия наук. Сибирское отделение» является важнейшим источником информации для изучения данной темы. В работе представлен исторический очерк, освещающий деятельность Академии наук в Сибири, собраны биографические сведения, избранные статьи и выступления членов-корреспондентов и академиков СО АН [43].

Продолжая тему исторической реконструкции в более локальном контексте, Н. Н. Аблажей, Е. Г. Водичев, С. А. Красильников в 2019 г. представили труд «НГУ: создание, становление, развитие». Показывая путь организации внутренней структуры и взаимодействия с Министерством образования СССР и СО АН, исследователи отмечают: «Сложилась ситуация, когда де-юре НГУ находился под юрисдикцией Минвуза, но де-факто являлся частью Сибирского отделения. Тем самым был дан старт фактическому становлению университета нового типа — академического, не имеющего прецедентов и на полвека определившего программу создания исследовательских вузов в масштабах страны» [1, с. 22].

М. П. Федорук, О. Е. Яковлева подчеркивают успешное внедрение концепции «треугольника М. А. Лаврентьева» — наука, кадры, производство — в период формирования сотрудничества между НГУ и СО АН [54]. Отдельный интерес у исследователей вызы-

© Выборнова В. А., 2021

вает феномен Новосибирского Академгородка, объединяющего НГУ и СО АН в общий комплекс. Рассматривая его в контексте «мобилизационной модели», И. С. Кузнецов указывает на некоторые негативные моменты: «В то же время в развитии ННЦ проявились и многие противоречивые черты “административно-командной системы”. Государственный патернализм, изолированность от окружающего населения, внутренняя иерархия — все эти черты, видимо, в той или иной мере повлияли на менталитет научного сообщества, а сейчас, помимо прочего, затрудняют его адаптацию к современным реалиям» [49, с. 88]. Схожие оценки дают Р. Л. Берг [42], П. Джозефсон [58].

Положительный опыт формирования локального научного сообщества в Новосибирском Академгородке показан в статье О. Н. Шелегиной, Н. А. Куперштох, Г. М. Запороженко, Н. Н. Покровского [56]. Существенный вклад в историографию проблемы также внесли монографии И. А. Крайневой [48], Н. А. Куперштох [50]. В этих работах не только представлены биографические очерки об ученых, но также уделено внимание их преподавательской деятельности.

В целом в изучении создания НГУ исследователями делается акцент на механизмах интеграционного процесса (формы, методы, результаты взаимодействия СО АН и НГУ), при этом не затрагиваются качественные стороны «человеческого фактора», т.е. личностные и групповые характеристики организаторов научно-учебного процесса на новаторских основаниях в начальный период организации университета (1959—1962 гг.).

Цель данного исследования — выявить механизмы и динамику соединения личностных интеллектуальных потенциалов нескольких поколений ученых в единую локальную научно-образовательную корпорацию основателей базовой структуры университета. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: выявить возрастные когорты, показать общее и частное в коллективной биографии, определить временные и территориальные «точки сборки» ученых, приведших в дальнейшем к созданию общего проекта — НГУ.

В работе использован метод просопографии, предусматривающий создание на основе персональных данных коллективной биографии указанных выше деятелей. Была проведена реконструкция динамики комплекса характеристик их социально-профессиональной деятельности со времени ее начала, затем к моменту принятия решения о согласии на перевод в СО АН СССР и получения должности в НГУ и далее в ходе научно-образовательной деятельности уже в университетских рамках.

Просопографический метод позволил рассмотреть отражение событий, происходивших в первой половине XX века в стране, в судьбах ученых, причастных к организации структуры НГУ. В целом под термином «просопография» подразумевается «жанр исследований, предполагающий изучение массовых источников с целью создания на основе статистического анализа их информации динамических “коллективных биографий” определенных социальных групп, страт и т.п. при возможности сохранения и изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данные социальные группы и страты» [57, с. 97].

Существенно и то, что метод объединяет в себе источниковедческие приемы изучения массовых источников, социологические технологии исследования общества, статистические методики проведения аналитических исследований, математические технологии создания и обработки баз данных, являя собой пример междисциплинарных подходов. Между тем, «как следует из самого определения просопографии, этот жанр исключительно историчен, так как сосредоточен на изучении главного действующего лица истории — человека (людей)» [57, с. 97]. Значительное место в просопографическом исследовании занимает исторический источник, что достаточно точно продемонстрировал

Д. Смит (Dion C. Smythe), преподаватель университета Белфаста, в работе, опубликованной в 2007 г. [59]. Число субъектов, включенных в изучаемую группу, ограничивается числом, указанным в источнике. Субъект в просопографическом анализе может быть безымянным, у него могут отсутствовать характеристики, присущие остальным членам группы, но эти обстоятельства не исключают его из изучаемой группы. Он мог совершать какие-либо действия, либо действия совершались в отношении его, но принципиальный момент заключается в том, что он должен быть описан в источнике [59, p. 129]. Таким образом, просопографический метод дает возможность синтезировать общее и индивидуальное, массовое и уникальное и на основе этого выстраивать обобщенное представление об изучаемом сообществе.

Для реализации поставленной цели автор опирался на архивную документацию, хранящуюся в фондах Государственного архива Новосибирской области (ГАО) и архива НГУ, где помимо личных дел сотрудников был привлечен информационный потенциал делопроизводства, в частности внутриуниверситетские приказы о приеме на должность за 1959—1962 гг. [2], а также справка о составе кафедр 1962/63 учебного года [44], поскольку именно в этом учебном году завершилась основная стадия развертывания НГУ — сложилась базовая структура в составе 6 факультетов и 39 кафедр, утверждены основные направления обучения, а сам университет приобрел все необходимые черты и признаки классического университета. Так, если в 1959 г. структура НГУ включала лишь один факультет естественных наук (ФЕН), то в 1962 г. действовала разветвленная структура факультетов: естественных наук (ФЕН, представленный химиками и биологами), механико-математический (ММФ), физический (ФФ), геолого-геофизический (ГГФ), гуманитарный (ГФ) (с отделением экономики, переросшим в самостоятельный факультет в 1967 г.), а также вечерний. Факультеты имели четкий и оригинальный характер, направленный на подготовку студентов с приоритетом для работы в научной сфере в определенной области, т.е. для кадрового пополнения научных институтов СО АН СССР. На каждом факультете наряду с общими кафедрами (общей физики, общей химии и т.д.) формировались междисциплинарные направления (например, на стыке физики и химии), а также связанные с приложением математики к различным направлениям: математические методы в лингвистике, в экономике и др. Из этих оригинальных, соответствующих передовым течениям науки своего времени направлений, сложившихся благодаря первым руководителям университета, деканам и основателям кафедр, формировался облик первого в стране исследовательского университета.

Для исследования характеристик первоначального корпуса преподавательского состава НГУ была составлена группа из 41 ученого. В нее вошли: ректор и зав. кафедрой математической физики И. Н. Векуа [3]; деканы: ФЕН — Б. О. Солоноуц [5], В. В. Воеводский (одновременно зав. кафедрой физической химии) [17], ГГФ — В. С. Соболев (одновременно зав. кафедрой минералогии и петрографии) [34], ММФ — П. П. Белинский (одновременно зав. кафедрой высшей математики), ФФ — Р. И. Солоухин (ФМФ 1961) (одновременно проректор по научной работе) [29], Р. З. Сагдеев [21], ГФ — В. А. Аврорин [19]; зав. кафедрами: политэкономии и математических расчетов в экономике и планировании — А. Г. Аганбегян [38], философии — Н. П. Антонов [15], истории КПСС — Н. Я. Гушин [39], иностранных языков — Н. А. Бицадзе [6], истории — А. П. Окладников [32], общего языкознания — К. А. Тимофеев [41], математического анализа — А. А. Ляпунов [25], алгебры и математической логики — А. И. Мальцев [30], геометрии — А. Д. Тайманов [18], теории функций — А. В. Бицадзе [23], дифференциальных уравнений — С. Л. Соболев [37], вычислительной математики — Л. В. Канторович [24], теории упругости и пластичности — Ю. Н. Работнов [8], теоретической механики — П. Я. Кочина, гидроди-

намики — М. А. Лаврентьев [13], общей физики и ядерной физики — Г. И. Будкер [28], теоретической физики — Д. В. Ширков [7], газовой динамики — С. А. Христианович [9], теплофизики — И. И. Новиков [14], физической гидродинамики — Б. В. Войцеховский [26], радиофизики и электроники — А. В. Ржанов [16], физики атмосферы — Г. И. Марчук [31], автоматики и электрометрии — К. Б. Карандеев [12], неорганической химии — Б. В. Птицын [11], Л. М. Волштейн [36], органической химии — Н. Н. Ворожцов [10], аналитической химии — В. М. Шульман [22], общей биологии — Д. К. Беляев [35], медицинской биологии — Б. Б. Фукс [4], радиохимии — А. В. Николаев [27], общей геологии — Ю. А. Косыгин [20], геофизики — Э. Э. Фотиади [40], полезных ископаемых — А. А. Трофимук [33].

Из 41 персоналии оказались утрачены два личных дела — П. П. Белинского и П. Я. Кочкиной, однако необходимая для анализа информация о них выявлялась из сопутствующей кадровой документации (приказы, представления от кафедры в Ученый совет НГУ П. П. Белинского [45]), воспоминаний П. Я. Кочкиной [47]. В группе ученых на момент образования университета было 9 академиков (И. Н. Векуа, В. С. Соболев, С. Л. Соболев, А. И. Мальцев, Ю. Н. Работнов, М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович, П. Я. Кочина, А. А. Трофимук), 14 членов-корреспондентов АН СССР, 9 докторов наук и 9 кандидатов. На момент организации «своей» кафедры 31 из них имели должность профессора, 9 — доцента и 1 — старшего преподавателя (Н. А. Бицадзе).

Программа исследования базировалась на изучении информации из личных дел профессорско-преподавательского состава НГУ. Последние включают нормативный набор документации: личный лист по учету кадров, автобиографию (при наличии), характеристики, копии дипломов о высшем образовании, присвоении кандидатской, докторской (при наличии) степеней, приказы, протокольную документацию, деловую переписку, список научных трудов. Количество страниц в делах варьируется в зависимости от продолжительности работы в университете и необходимости переизбрания на должность либо изменения должностного статуса. Личные листы и автобиографии заполнялись самими соискателями на должность, что придает им характеристики эго-источников, создаваемых от первого лица, хотя и в заданном формулярами стандарте. Данный фактор создает определенную субъектную рефлексию и позволяет проследить некоторые индивидуальные особенности личности ученого. Выписки из трудовой книжки, копии дипломов о получении степеней и другие формализованные документы, требовавшие проверки и их заверения/подтверждения, дают более объективированную «матрицу», позволяющую выявить индивидуальную научно-образовательную траекторию для каждого ученого, обрисовывают их путь в науку. Все это вкупе позволяет сформировать общую для выделенной группы коллективную биографию.

Для удобства анализа была составлена проблемно ориентированная просопографическая база данных, где кроме основополагающих персональных данных (дата рождения, возраст, пол, национальность, социальное происхождение, образование и др.) отдельно фиксировалась информация о том, был ли у конкретных ученых до 1959 г. опыт преподавания и организации учебного процесса, каков был основной род занятий до момента перевода в Сибирское отделение АН СССР и получения должности в НГУ. Это дало возможность определить перенесенный его организаторами опыт деятельности в научно-образовательной сфере. Для реконструкции динамики социально-профессиональной мобильности исследуемой группы отмечены год, место получения высшего образования, кандидатской, докторской степеней, ученых званий, знание иностранного языка, поездки с научными целями за рубеж.

Одним из важнейших индикаторов работы стало выявление точек пересечения представителей данной группы до их прибытия в Новосибирск (связи и общие профессиональные интересы в 1930-е годы, в период войны и последующее послевоенное десятилетие), позволяющих определить потенциал взаимодействия в процессе совместной деятельности в Академгородке, в том числе на стадии согласования и принятия кадровых решений при формировании НГУ.

При обращении к корреляции года рождения и социального происхождения наблюдается следующая тенденция. Поколение до 1917 г. не стерло из памяти свое дворянское происхождение: из 18 человек старше 50 лет 6 указали в личном листе социальное происхождение «из дворян». В той же возрастной группе фиксируются выходцы из средних социальных страт (сын священника, сын учителя и др.). У родившихся после 1917 г. дворянское происхождение, естественно, уже не фиксируется, зато указание на социальное происхождение становится более формальным и отражает нормативные критерии пост-революционной эпохи: «из крестьян», «из рабочих» и преобладающее — «из служащих». Общие данные по социальному происхождению показаны на рисунке 1.

Фактически эпоха привела к редуцированию достаточно непростой картины, связанной со статусным положением семьи, где допускалось варьировать родством по линии одного из родителей, но можно констатировать, что самим фактом получения высшего образования и дальнейшей карьерой в науке ученые были обязаны прежде всего интеллектуальной среде в семьях, где они росли.

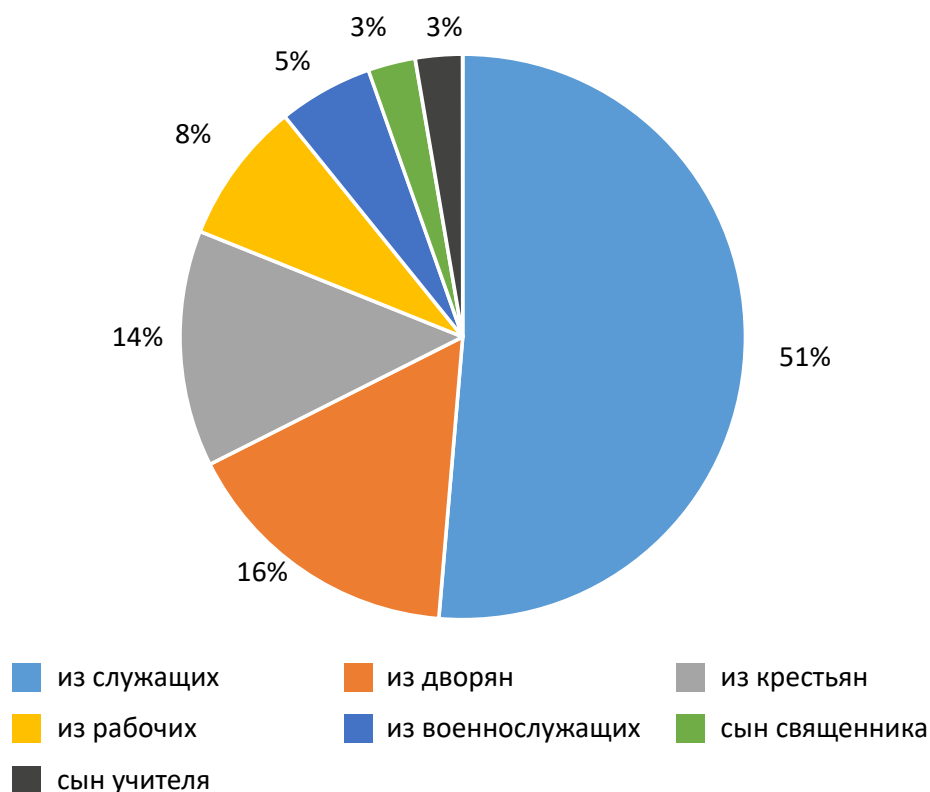

Рис. 1. Социальное происхождение преподавателей НГУ. Указали свое социальное происхождение 37 человек: из служащих — 19; из дворян — 6, из крестьян — 5, из рабочих — 3, из военнослужащих — 2. Два человека в своем личном деле указали: Д. К. Беляев — сын священника; Б. В. Птицын — сын учителя

Коллективный портрет акторов университета включает сведения о месте рождения, национальности, получении высшего образования. Основная часть ученых родилась на территории, географически входившей в состав европейской части России (РСФСР), при

этом пятая часть из них была связана местом рождения с другими национальными республиками страны, что подчеркивает не только существование территориального «ядра», но и присутствие «периферийности». Этнический состав данной группы достаточно разнообразен: при доминировании в нем русских — 19 (56%) вторая по численности группа представлена шестью евреями (14%), остальная часть акторов — выходцами других восьми этносов (украинец, белорус, грузин — по два человека; поляк, казах, татарин, грек, армянин — по одному). Естественно, по приведенным данным нельзя считать, что это отражение общих тенденций этнического облика когорты отечественных ученых конца 1950-х — начала 1960-х гг. Тем не менее существует вероятность того, что эти цифры могли отражать этническое разнообразие не только элитной группы ученых «первого призыва», но и более широкого круга научных работников, участвовавших в создании Сибирского отделения АН СССР и НГУ.

Защита кандидатской диссертации у большинства проходила в Москве или в Ленинграде (90%), где концентрировалась научная элита, и только несколько человек защитились в Тбилиси и Львове. Данная ситуация детерминирована отсутствием разветвленной системы аспирантуры и сети диссертационных советов вне Москвы и Ленинграда. Ученые формировали свои школы в том числе и за счет талантливой молодежи из периферийных вузов, тем самым создавая кадровый потенциал для будущего научно-образовательного штата в Новосибирске. В изучаемой группе характерен динамичный путь в науку: средний возраст защитивших кандидатскую диссертацию составлял 28 лет, докторскую — 38 лет.

В исследуемой группе можно выделить три возрастные когорты, в основу которых условно положен временной лаг в 10 лет: родившиеся в 1900—1909 гг.; 1910—1919; 1920—1929 гг. При этом есть некоторые исключения — акад. П. Я. Кочина родилась в 1899 г., а трое ученых родились позднее 1929 г. — чл.-корр. Р. И. Солоухин (1930), акад. Р. З. Сагдеев (1932) и А. Г. Аганбегян (1932), которые нами учитывались в составе отмеченных выше возрастных разделений. Соответственно первая из когорт представлена 18 персоналиями: И. Н. Векуа, В. С. Соболев, Б. О. Солоноуц, В. А. Аврорин, Н. П. Антонов, А. П. Окладников, А. И. Мальцев, С. Л. Соболев, П. Я. Кочина, М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович, К. Б. Карандеев, Б. В. Птицын, Л. М. Волштейн, Н. Н. Ворожцов, В. М. Шульман, А. В. Николаев, Э. Э. Фотиади; вторая — 12 персоналиями: В. В. Воеводский, А. А. Ляпунов, А. Д. Тайманов, А. В. Бицадзе, Л. В. Канторович, К. А. Тимофеев, Ю. Н. Работнов, Г. И. Будкер, И. И. Новиков, Д. К. Беляев, Ю. А. Косыгин, А. А. Трофимук; третья — 11 персоналиями: П. П. Белинский, А. Г. Аганбегян, Н. Я. Гушин, Н. А. Бицадзе, Д. В. Ширков, Б. В. Войцеховский, А. В. Ржанов, Г. И. Марчук, Р. И. Солоухин, Р. З. Сагдеев, Б. Б. Фукс (рис. 2).

Обращаясь к соотношению таких данных, как годы рождения, получения высшего образования и дальнейшего научного роста, замечаем, что высокая вертикальная мобильность свойственна поколениям, родившимся в 1907—1909 гг. и закончившим вуз в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В нее вошли знаменитые ученые, академики С. А. Христианович, И. Н. Векуа, В. С. Соболев, С. Л. Соболев, А. И. Мальцев, Г. К. Боресков, Н. Н. Ворожцов, А. П. Окладников, члены-корреспонденты В. А. Аврорин, Э. Э. Фотиади (всего 12 человек). Яркий расцвет их научной деятельности приходится уже на вторую половину 1930-х гг.: С. Л. Соболев и С. А. Христианович становятся членами АН СССР; большинство в этот период защитили кандидатские и некоторые из них докторские диссертации. Данная возрастная когорта оказалась представлена учеными всех естественнонаучных направлений, следовательно, вторая половина 1930-х гг. оказалась временем высокого карьерного роста для входившего в науку молодого поколения будущих основателей НГУ.

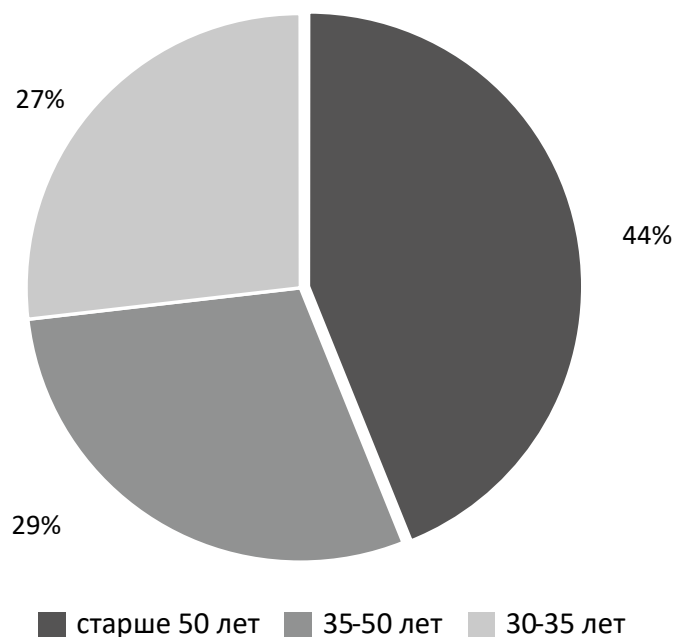

Рис. 2. Возрастной состав преподавателей НГУ: старше 50 лет — 18 чел., 35—50 лет — 12 чел., молодых ученых 30—35 лет — 11 чел.

При рассмотрении динамики профессиональной мобильности самой «молодой» возрастной группы, т.е. родившихся в 1920-е гг., следует учитывать, что для части из них обучение в вузах пришлось на трудный послевоенный период, однако осуществлявшиеся в послевоенное десятилетие государственные программы научно-технического обеспечения индустрии и обороны страны позволили представителям этой группы совершить в 1950-е гг. достаточно быстрый карьерный рост. К моменту переезда в Новосибирск все они имели ученые степени кандидата наук (средний возраст на момент защиты — 28 лет), а работа в Сибирском отделении и университете позволила ученым данной группы обеспечить весьма стремительный по научным меркам статусный рост (в среднем время между защитой кандидатской и докторской диссертаций составила для них 6 лет).

В послевоенный период сформировались две главные «точки сборки», которые объединили жизненные траектории основной когорты ученых, дали опыт совместной работы в рамках двух важных и взаимосвязанных между собой проектов. В сфере науки это атомный проект, в реализацию которого были вовлечены элитные группы научно-технической интеллигенции. Второй «точкой сборки» явилось участие в становлении и развитии вуза нового типа, призванного обеспечить специалистами развитие новых отраслей техники, — Московского физико-технического института (МФТИ/Физтех), выросшего из физико-технического факультета МГУ, о чем будет сказано ниже.

О работе будущих основателей СО АН СССР и НГУ в рамках атомного проекта свидетельствует тот факт, что академики С. Л. Соболев, М. А. Лаврентьев и С. А. Христианович занимали в нем ряд важных позиций. М. А. Лаврентьев в 1953—1955 гг. являлся заместителем научного руководителя КБ-11 (ядерный центр в Арзамасе-16); С. А. Христианович уже во время войны принимал участие в работах коллектива лаборатории № 2 АН СССР, занимавшегося разработкой газодиффузионного метода разделения изотопов урана. В последующие годы участвовал в испытаниях ядерного оружия в атмосфере и под водой, в разработке проблемы защиты от этого оружия. С 1946 г. в реализации атомного проекта участвовал физик Г. И. Будкер, с 1953 г. — математик Г. И. Марчук, с конца

1940-х гг. химик Г. К. Боресков решал задачи, связанные с разработкой методов получения и промышленного производства тяжелой воды. Важную роль в организации работы над проектом играл И. И. Новиков, в 1950—1956 гг. — начальник научно-технического управления Первого Главного управления при Совете Министров СССР.

Между тем в документах, хранящихся в личных делах ученых в НГУ, информация о работах над оборонными проектами отражалась крайне лапидарно. В частности, в личном деле С. Л. Соболева присутствует строчка: «1944—1949 гг. — зам. начальника лаборатории № 2, г. Москва» [37, л. 2]. Исследователь А. В. Фурсиков пишет: «В 1943 году организуется так называемая лаборатория № 2 во главе с академиком И. В. Курчатовым, впоследствии переименованная в Институт атомной энергии. Первым заместителем И. В. Курчатова был назначен С. Л. Соболев. И в обстановке глубочайшей секретности началась интенсивная работа по созданию ядерного щита страны... За работы, выполненные в Институте атомной энергии, С. Л. Соболеву дважды присуждалась Государственная премия, а в январе 1952 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда» [55, с. 9].

О другом выдающемся математике, впоследствии лауреате Нобелевской премии Л. В. Канторовиче его биограф пишет: «В середине 1948 года по распоряжению И. В. Сталина расчетная группа Л. В. Канторовича была подключена к разработке ядерного оружия. В 1949 году стал лауреатом Сталинской премии за работы по функциональному анализу» [52]. В личном деле Канторовича в учете трудовой деятельности отмечено: «1949—1960 — зав. отделом М[атематического]И[нститута] АН СССР» [24, л. 8], а в автобиографии Л. В. Канторович лаконично написал: «В 1948—1950 было проведено внедрение некоторых работ» [24, л. 2] (рис. 3).

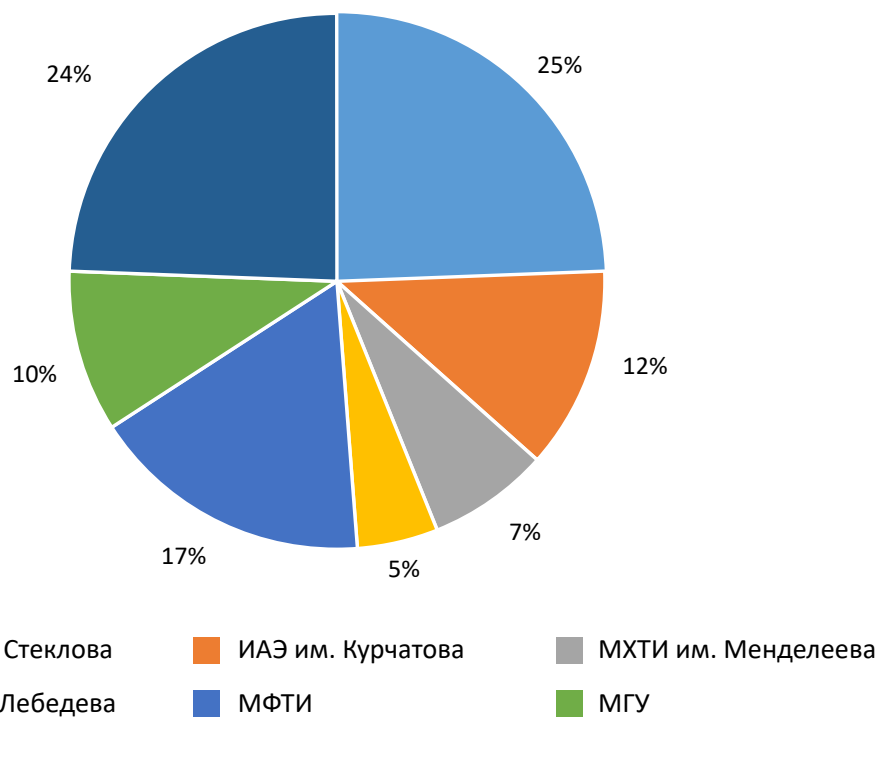

Рис. 3. Основное место работы ученых до перевода в СО АН СССР: Математический институт им. В. А. Стеклова — 10 чел.; Институт атомной энергии им. И. В. Курчатова — 5; Московский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева — 3; Физический институт им. П. Н. Лебедева — 2; Московский физико-технический институт — 7; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова — 4, прочие организации — 10

Деятельность ученых в сфере высшего образования, в частности преподавательский опыт, накопленный до переезда в Новосибирск, является особенно ценным при организации новых структур высшей школы. Понимание необходимости реформирования существующей системы высшего образования в СССР привело к созданию МФТИ, ведущего свою историю с 1946 г. в качестве физико-технического факультета в составе МГУ и выделившегося в самостоятельный вуз в 1951 г., а затем передавшего свою «систему Физтеха» в НГУ в 1959 г. Образовательная модель МФТИ, названная ее основателями «системой Физтеха», заключалась в общих принципах, изложенных в открытом письме П. Л. Капицы совместно с С. А. Христиановичем, С. Л. Соболевым и М. А. Лаврентьевым от февраля 1946 г., обращенном к И. В. Сталину. Они заключаются в «1. Тщательном отборе наиболее одаренных и склонных к творческой работе представителей молодежи; 2. Непосредственном участии в обучении ведущих научных работников в тесном контакте с ними в их творческой обстановке; 3. Индивидуальном подходе к отдельным студентам с целью развития их творческих задатков... 4. Введении воспитания с первых же шагов творчества с использованием для этого лучших лабораторий страны» [46, с. 9].

Ко времени открытия нового вуза в Новосибирском Академгородке «старшей» и «средней» группами был накоплен значительный опыт заведования кафедрами, лабораториями, курирования научных работ и других видов организации учебно-научного процесса, а к моменту организации НГУ 30 человек (75%) исследователей имели стаж преподавания более 10 лет (рис. 4). Преобладающее большинство ученых совмещали научную деятельность с преподаванием в вузах, что стало затем базовым принципом работы в СО АН СССР и в НГУ, где уже на этапе становления соотношение в руководящих звеньях между совместителями и штатными преподавателями университета было абсолютно в пользу первых: в изучаемой группе среди 41 человека штатными сотрудниками являлись только шестеро, в основном заведующие общеуниверситетскими кафедрами, а также ректор и два декана (следует уточнить, что трое последних имели аффилиацию с институтами Сибирского отделения).

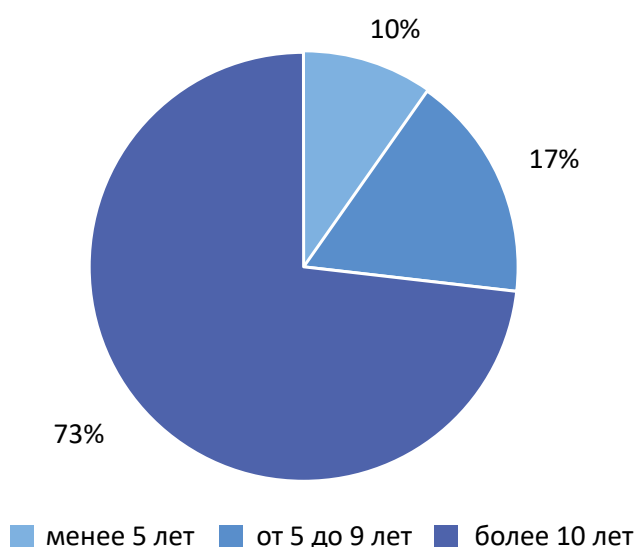

Рис. 4. Стаж педагогической деятельности ученых к моменту поступления на работу в НГУ. Стаж менее 5 лет указали 4 чел., от 5 до 9 лет — 7 чел., 10 лет и более — 30 чел.

Специфика структуры НГУ прослеживается при изучении научной специализации ее основателей. Кандидатские, докторские (при наличии) степени в области физико-математических и технических наук имели 22 (53%) основателя кафедр НГУ, а при органи-

зации его структуры было создано 26 физико-математических кафедр, 3 гуманитарных, 7 кафедр на факультете естественных наук, 4 — на геолого-геофизическом, 5 — обще-университетских. Первоначальная цель при создании НГУ — перенос системы МФТИ/Физтеха — подтверждается тем, что среди тех, кто выступал разработчиками и создателями нового университета, были признаваемый «отцом» Физтеха С. А. Христианович, а первый ректор университета И. Н. Векуа и М. А. Лаврентьев до переезда в Новосибирск заведовали кафедрами МФТИ, первый декан НГУ — Б. О. Солоноуц также входил в его руководство и именно в данном качестве приглашался в Новосибирск для работы в новом университете, В. В. Воеводский в 1953—1961 гг. был деканом одного из факультетов МФТИ. В работе Физтеха участвовали до переезда в Новосибирск и ученые «молодого» поколения Р. И. Солоухин, Б. В. Войцеховский (рис. 5).

Ученая степень в области

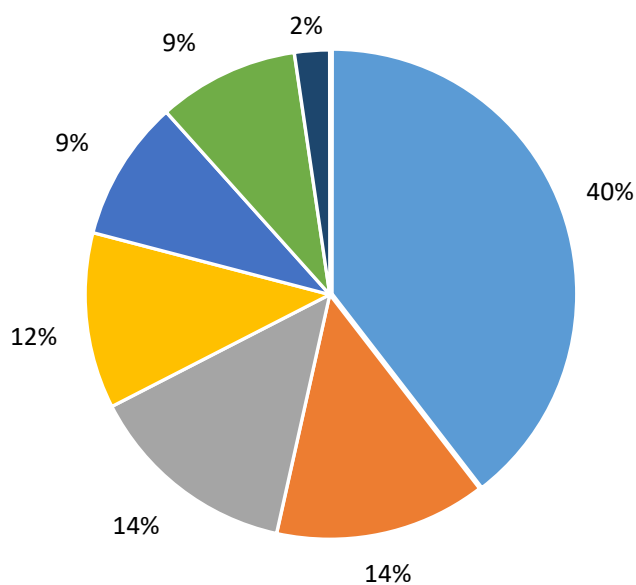

Рис. 5. Наличие кандидатской/докторской степени на момент поступления на работу в НГУ: в области физико-математических наук — 17 чел.; гуманитарных и химических — по 6 чел.; технических — 5; геолого-минералогических — 4; биолого-медицинских — 2; педагогических — 1 чел.

Помимо совместной деятельности на платформе Физтеха другими «точками сборки» выступали прежде всего московские структуры, в частности МГУ, где ранее учились, а затем преподавали математики и физики А. А. Ляпунов, С. Л. Соболев, Г. И. Будкер, А. И. Мальцев, Ю. Н. Работнов, И. И. Новиков и др. Многих из них объединяла и работа в Математическом институте им. В. А. Стеклова АН СССР, в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. Об этом свидетельствует тот факт, что в названных выше академических институтах и вузах до перевода в СО АН СССР работали и преподавали $\frac{3}{4}$ изучаемой группы. Основатели других научных направлений в НГУ (гуманитарных, геологических, естественных наук) в большинстве своем ранее были связаны с Сибирью своей научной деятельностью, что играло важную роль в мотивации их приглашения для

работы и преподавания в Новосибирск. В частности, заведующий кафедрой минералогии и петрографии В. С. Соболев до перевода в СО АН СССР активно изучал минералы Сибири и Якутии, где открыл новое месторождение алмазов; территорией научных интересов заведующего кафедрой истории археолога А. П. Окладникова также была Сибирь; декан гуманитарного факультета В. А. Аврорин являлся одним из ведущих в стране исследователей языков народов Сибири; заведующий кафедрой медицинской биологии Б. Б. Фукс ряд лет вел практику в Новосибирском медицинском институте.

Коллективный портрет дополняется сведениями о знании иностранных языков — необходимого условия для взаимодействия с международным научным сообществом и ознакомления с передовыми научными исследованиями. Возможность читать на иностранных западноевропейских языках была у всех ученых исследуемой группы. Из них 25 человек (67%) свободно говорили на иностранных языках (от одного до трех) (рис. 6).

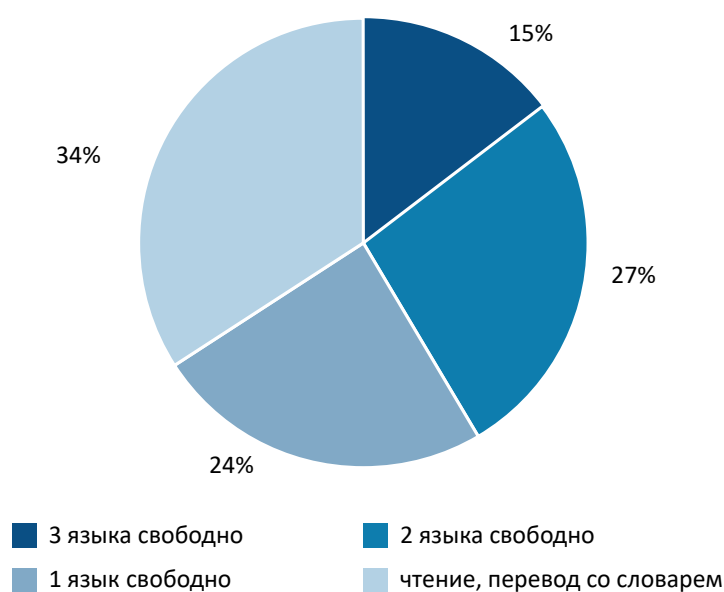

Рис. 6. Знание иностранных западноевропейских языков. Умение говорить свободно на трех языках указали 6 человек, на двух — 11, на одном — 10, чтение и перевод со словарем — 14

Практиковались поездки новосибирских ученых за границу: в Англию, Францию, Швецию, Австрию, США, Японию и другие страны. Научное сообщество и в этой сфере показало высокую горизонтальную мобильность. Рабочие командировки и участие в международных конференциях указаны как цель поездки за рубеж у 20 ученых (53%), 2 (5%) побывали за рубежом, находясь в рядах армии в годы Великой Отечественной войны, 16 (42%) из СССР не выезжали.

Полученный за рубежом опыт при ознакомлении с интеграцией высшей школы и науки помог основателям НГУ сформировать свой взгляд на организацию структуры вуза и сотрудничество с институтами СО АН СССР. Например, М. А. Лаврентьев в книге «...Прирастать будет Сибирью» ставил в пример опыт создания научно-исследовательских центров в Америке и Европе: «Зарубежные городки науки, например, Стенфорд и Принстон в США, Гренобль и центры вблизи Лилля, Марселя во Франции, существуют на основе соответствующих университетов» [51, с. 14]. Один из первых преподавателей ГФ НГУ Л. Ф. Лисс в книге «Мои университеты» пишет о рецепции зарубежного опыта ректором НГУ И. Н. Векуа: «Ему виделся при университете Институт высших знаний по типу Копенгагенского Н. Бора. В него могли бы приезжать на длительную стажировку перспективные исследователи из разных мест страны; общаться с учеными, принимать

участие в совместных исследовательских проектах; готовить и защищать докторские диссертации». Затем: «Понимал И. Н. Векуа и необходимость создания бытовых условий студенческой жизни. Ему нравился опыт английских университетов по шефству старшекурсников (тьюторов) над младшекурсниками. Поэтому при проектировании студенческих общежитий была реализована блоковая структура из большой (на трех студентов), маленькой (для тьютора) комнат и туалета. НГУ получил семь таких общежитий» [53, с. 227].

Таким образом, применение метода просопографии к изучению личных дел организаторов структуры НГУ подтверждает перенос системы МФТИ как первоначальной образовательной модели при организации Новосибирского университета. Перенос «системы Физтеха» осуществлялся в первую очередь кадровой политикой — при отборе ученых для перевода в НГУ на физико-математические специальности предпочтение отдавалось выпускникам физико-технического факультета МГУ, МФТИ. Переехавший в Сибирь «десант» МФТИ создал своего рода фундамент НГУ. Но в жизненном пути создателей НГУ прослеживается тенденция постоянного профессионального роста, поиска новаторских решений, поэтому С. А. Христианович, М. А. Лаврентьев как одни из акторов Физтеха не могли удовлетвориться механическим переносом в Новосибирск уже реализованного опыта, а развили его в новую стратегическую научно-образовательную программу, создав оригинальную модель исследовательского университета.

Среди организаторов учебно-научного процесса в новом университете произошло органичное соединение мотивации и интересов представителей трех поколенческих когорт («старшей», «средней» и «молодой»). Столь же органично произошло и соединение представителей трех секторов отечественной науки (академический, отраслевой, вузовский). Далее автором выявлены основные «точки сборки», соединявшие профессиональной деятельностью ученых различных специальностей между собой и формировавшие взаимопонимание между ними до создания СО АН и НГУ (атомный проект, МФТИ, территориально — Москва). Именно весь предшествующий опыт научно-организационной и образовательной деятельности явился предпосылкой и движущей мотивацией для основателей Сибирского отделения М. А. Лаврентьева, С. А. Христиановича и разделявшего их идею С. Л. Соболева создать на опыте закрытых атомных наукоградов «гражданский» наукоград в Новосибирске, а опыт МФТИ инициировал идею трансфера данной модели для исследовательского университета в составе академического научного комплекса.

Список использованных источников и литературы

1. Аблажей Н. Н., Водичев Е. Г., Красильников С. А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959—2019). Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. 404 с.
2. Архив Новосибирского государственного университета (Архив НГУ). Ф. 1848. Оп. 1. Д. 4.
3. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 3. Д. 23.
4. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 3. Д. 69.
5. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 3. Д. 183.
6. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 3. Д. 210.
7. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 3. Д. 223.
8. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 1.
9. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 2.
10. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 3.
11. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 4.
12. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 14.
13. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 16.
14. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 17.
15. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 20.

16. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 48.
17. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 50.
18. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 65.
19. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 68.
20. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 154.
21. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 167.
22. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 172.
23. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 175.
24. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 181.
25. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 195.
26. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 207.
27. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 214.
28. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 258.
29. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 274.
30. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 289.
31. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 290.
32. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 294.
33. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 324.
34. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 399.
35. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 438.
36. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 441.
37. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 454.
38. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 462.
39. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 466.
40. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 490.
41. Архив НГУ. Ф. 1848. Оп. 5. Д. 499.
42. Берг Р. Л. Суховой: Воспоминания генетика. М. : Памятники ист. мысли, 2003. 527 с.
43. Водичев Е. Г., Красильников С. А., Ламин В. А., Ус Л. Б., Черевикина М. Ю. Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк. Новосибирск : Наука, 2007. 508 с.
44. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1848. Оп. 1. Д. 21.
45. ГАНО. Ф. 1848. Оп. 1. Д. 65.
46. Карлов Н. В. Шершавым языком приказа. Физтех. Архивные документы 1938—1952 гг. Препринт / ЦГО МФТИ. М. : МФТИ, 2006. 136 с.
47. Кочина П. Я. Воспоминания. М. : Наука, 1974. 300 с.
48. Крайнева И. А. Научное наследие советских ученых в электронных архивах СО РАН: Мастер. Проповедник. Лидер. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. 385 с.
49. Кузнецов И. С. Создание Новосибирского Академгородка в контексте «мобилизационной модели» // Вестник Новосибирского государственного университета. 2011. № 10. С. 86—91.
50. Куперштох Н. А. Очерки о лидерах академической науки Сибири. Вып. 1. Новосибирск : Гео, 2011. 155 с.
51. Лаврентьев М. А. ...Прирастать будет Сибирью. 2-е изд. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 176 с.
52. Лахман И. Леонид Витальевич Канторович [Электронный ресурс]. URL: http://www.russianscientist.org/files/archive/History/2015_LAKHMAN-31.pdf.
53. Лисс Л. Ф. Было это так (К 50-летию юбилею НГУ) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2009. Т. 8, № 1. С. 225—236.
54. Федорук М. П., Яковлева О. Е. НГУ — университет нового типа // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 8. С. 851—859.
55. Фурсиков А. В. Сергей Львович Соболев (к столетию со дня рождения) // Математическое образование. 2008. № 2 (46). С. 8—15.
56. Шелегина О. Н., Куперштох Н. А., Запорожченко Г. М., Покровский Н. Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляция (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск : СО РАН, 2016. № 3. С. 117—122.
57. Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 10: История. С. 95—127.
58. Josephson P. The Historical Significance of Akademgorodok for Basic Science in the 21 Century // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск : СО РАН, 2007. № 2. С. 3—7.

59. Smythe D. C. 'A Whiter Shade of Pale': Issues and Possibilities in Prosopography // *Prosopography Approaches and Applications: A handbook*. Oxford : University of Oxford, 2007. P. 127—137.

Поступила в редакцию 14.06.2021

Выборнова Виктория Александровна, аспирант
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: vybornovavik4@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1514-2322

UDC 94(571.14)“1959/62”

V. A. Vybornova

Actors of the formation of Novosibirsk State University in 1959—1962: the experience of prosopographic analysis

This article gives a reconstruction of the collective biography of the organizers of the basic structure of Novosibirsk State University (NSU), which opened in 1959 and formed its image by 1962. Based on the personal files of this group, stored in the archive of the NSU, a problem-oriented database was formed. The purpose of the article is to study the factors and conditions of social and professional mobility of scientists. The formation of the NSU institutional framework was the first experience of implementing the research university model. The reconstruction of generational similarities and differences within the new local research and education corporation is made. It is concluded that the leading teaching staff of the university was formed based on a unique combination of three generations of scientists, each of which effectively realized their creative potential.

Key words: Novosibirsk State University, Siberian Branch of the Academy of Sciences, collective biography, prosopography, personal affairs, science.

Vybornova Viktoria Aleksandrovna, Postgraduate Student
Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 630090, Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8
E-mail: vybornovavik4@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1514-2322

References

1. Ablazhei N. N., Vodichev E. G., Krasil'nikov S. A. *Novosibirskii gosudarstvennyi universitet: sozдание, stanovlenie, razvitie (1959—2019)* [Novosibirsk State University: creation, formation, development (1959—2019)]. Novosibirsk, IPTs NGU Publ., 2019. 404 p. (In Russian)
2. *Arkhiv Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archive of Novosibirsk State University] (Arkhiv NGU). F. 1848. Op. 1. D. 4.
3. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 3. D. 23.
4. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 3. D. 69.
5. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 3. D. 183.
6. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 3. D. 210.
7. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 3. D. 223.
8. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 1.
9. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 2.
10. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 3.
11. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 4.
12. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 14.
13. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 16.
14. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 17.
15. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 20.

16. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 48.
17. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 50.
18. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 65.
19. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 68.
20. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 154.
21. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 167.
22. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 172.
23. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 175.
24. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 181.
25. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 195.
26. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 207.
27. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 214.
28. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 258.
29. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 274.
30. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 289.
31. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 290.
32. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 294.
33. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 324.
34. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 399.
35. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 438.
36. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 441.
37. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 454.
38. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 462.
39. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 466.
40. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 490.
41. Arkhiv NGU. F. 1848. Op. 5. D. 499.
42. Berg R. L. *Sukhovei: Vospominaniya genetika* [Dry Wind: Memories of a Geneticist]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 2003. 527 p. (In Russian)
43. Vodichev E. G., Krasil'nikov S. A., Lamin V. A., Us L. B., Cherevikina M. Yu. *Rossiiskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie: Istoricheskii ocherk* [The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: Historical essay]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2007. 508 p. (In Russian)
44. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State Archives of the Novosibirsk Region] (GANO). F. 1848. Op. 1. D. 21.
45. GANO. F. 1848. Op. 1. D. 65.
46. Karlov N. V. *Shershavym yazykom prikaza. Fiztekh. Arkhivnye dokumenty 1938—1952 gg. Preprint* [The rough language of the order. 'Phystech'. Archival documents 1938—1952. Preprint]. Moscow, MFTI Publ., 2006. 136 p. (In Russian)
47. Kochina P. Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 300 p. (In Russian)
48. Kraineva I. A. *Nauchnoe nasledie sovetskikh uchennykh v elektronnykh arkhivakh SO RAN: Master. Propovednik. Lider* [Scientific heritage of Soviet scientists in the electronic archives of the SB RAS: Master. Preacher. Leader]. Novosibirsk, IPTs NGU Publ., 2018. 385 p. (In Russian)
49. Kuznetsov I. S. *Sozdanie Novosibirskogo Akademgorodka v kontekste "mobilizatsionnoi modeli"* [The creation of Novosibirsk Akademgorodok in the context of "the model of mobilization"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoriya, Filologiya*, 2011, no. 10, pp. 86—91. (In Russian)
50. Kupershtokh N. A. *Ocherki o liderakh akademicheskoi nauki Sibiri. Vyp. 1* [Essays on the leaders of the academic science of Siberia. Issue 1]. Novosibirsk, Geo Publ., 2011. 155 p. (In Russian)
51. Lavrent'ev M. A. ... Prirastat' budet Sibir'yu. 2-e izd. [...It shall accrue from Siberia. 2nd ed.]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo Publ., 1982. 176 p. (In Russian)
52. Lakhman I. Leonid Vital'evich Kantorovich [Leonid Vitalyevich Kantorovich]. Available at: http://www.russianscientist.org/files/archive/History/2015_LAKHMAN-31.pdf. (In Russian)
53. Liss L. F. *Bylo eto tak (K 50-letnemu yubileyu NGU)* [It was like this...]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser. Istoriya, Filologiya*, 2009, vol. 8, no. 1, pp. 225—236. (In Russian)
54. Fedoruk M. P., Yakovleva O. E. NGU — universitet novogo tipa [Novosibirsk state university — a new type of university]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2019, vol. 89, no. 8, pp. 851—859. (In Russian)
55. Fursikov A. V. *Sergei L'vovich Sobolev (k stoletiyu so dnya rozhdeniya)* [Sergei Lvovich Sobolev (on the centenary of his birth)]. *Matematicheskoe obrazovanie*, 2008, no. 2 (46), pp. 8—15. (In Russian)
56. Shelegina O. N., Kupershtokh N. A., Zaporozhchenko G. M., Pokrovskii N. N. *Identichnost' lokal'nykh nauchnykh soobshchestv: opyt formirovaniya i translyatsiya (po materialam Novosibirskogo nauchnogo tsentra*

SO RAN) [The identity of the local scientific communities: the experience of formation and transmission (on the materials of the Novosibirsk Scientific Center of SB RAS)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian Sciences in Siberia*. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2016, no. 3, pp. 117—122. (In Russian)

57. Yumasheva Yu. Yu. Istoriografiya prosopografii [Historiography of prosopography]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki — Izvestia. Ural Federal University Journal. Ser. 2. Humanities and Arts*, 2005, no. 39, is. 10, Istoriya, pp. 95—127. (In Russian)

58. Josephson P. The Historical Significance of Akademgorodok for Basic Science in the 21 Century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian Sciences in Siberia*. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2007, no. 2, pp. 3—7.

59. Smythe D. C. 'A Whiter Shade of Pale': Issues and Possibilities in Prosopography. *Prosopography Approaches and Applications. A handbook*. Oxford, University of Oxford, 2007, pp. 127—137.